

ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81'42:161

Doi 10.26456/vtfilol/2025.4.131

К МЕТОДОЛОГИИ ОПИСАНИЯ АРГУМЕНТИРУЮЩЕГО ДИСКУРСА

Л.Г. Васильев

Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского, г. Калуга

Рассматривается специфика аргументации и ее соотношение с понятиями 'рассуждение', 'объяснение', 'обоснование'. Эксплицируется естественно-языковой (текстовый) и межсубъектный способ существования аргументации. Формулируются концептообразующие проблемные вопросы аргументологии. Анализируется специфика функционального представления аргумента. Задаются общеаргументативные максимы рационального осмысления дискурса.

Ключевые слова: аргументация, рассуждение, структура, уровни аргументов, функциональная модель.

Применение различных методик содержательного анализа рационально выстроенного текста связано в предлагаемой вниманию коллег-ученых статье с идеей о различной степени строгости рассуждения. В теории аргументации как одной из сфер рассмотрения рассуждения данная проблема предусматривает рассмотрение вопроса о соотношении объяснения (explanation) и обоснования (justification / argumentation). Существуют два основных взгляда на это соотношение. Согласно одному из них, с точки зрения критической оценки объяснение включает в себя обоснование; согласно другому, их следует рассматривать раздельно.

Первая (унифицирующая, номо-ориентированная) позиция предусматривает анализ объяснения прежде всего в контексте научных текстов. Согласно М. Бирдсли, «когда мы даем объяснение чего-либо (не обязательно истинное, а любое объяснение), мы должны использовать по крайней мере три утверждения»: объясняемый факт, объяснение и обобщение, истинность которого известна заранее [7: 219]. Согласно С. Томасу, объяснение есть демонстрация того, как объясняемый факт можно было бы обосновать путем логической дедукции из общих (universal) суждений, принципов или гипотез. «Хорошее объяснение факта дает основания (reasons), которые могли бы обосновать его предсказание. Такой взгляд лежит в рамках гипотетико-дедуктивной модели научного объяснения» [17: 15].

Согласно второй (расщепляющей, идео-ориентированной) позиции, объяснение значительно отличается от обоснования. Один из

параметров различия – многоаспектность объяснения: указание; дефиниция; оправдание; фокусировка; добавление деталей изложения; указание на прецедент или причину. Другой параметр – ориентация на коммуниканта: обоснование направлено на принятие собеседником точки зрения, а объяснение – на понимание точки зрения (ср. в этой связи разделение коммуникативного и перлокутивного аспектов в теории аргументативных речевых актов [10]). Иными словами, объяснению не обязательно придается признак логичности. Третий параметр – степень истинности вывода: при обосновании она абсолютна, при объяснении – лишь возможна [15: 22–27].

Оценивая разногласия между этими двумя позициями, следует заметить, что оно не настолько кардинально как утверждает, например, Ц. Казачков. Прежде всего, авторы первой позиции концентрируют свое внимание на научном объяснении, т. е. на объяснении с логических позиций – ср. оценку «хорошее объяснение» (т.е. логичное!) в цитате из книги С. Томаса. Далее, примеры Ц. Казачкова, которые он считает объяснением, а не обоснованием, на самом деле не являются дедуктивными, ср.: *My brother attended Catholic school, took pleasure and comfort in reading the Bible, and had warm and loving relationship with the priests he knew. Therefore, my brother became a priest.* Этот пример в принципе можно расценить как индуктивную энтимему с опущенными большей посылкой и модальным оператором вероятности, но во всяком случае он не опровергает унифицирующей позиции, где объяснение, если оно осуществляется на основе законов дедукции, приравнивается к обоснованию.

Тем не менее, объяснение в широком смысле, очевидно, отличается от его гипотетико-дедуктивной трактовки. Объяснениями изобилуют обыденные рассуждения. Представляется, что объяснения могут встретиться и в не-жестких научных текстах, например, текстах гуманитарного характера. В связи с этим целесообразно разграничить понятия объяснения и обоснования (аргументации).

Общим (классовым) понятием будет тогда Рассуждение. Аргументация же обычно трактуется как способ рассуждения, строящегося на основе определенных логических (дедуктивных, индуктивных, абдуктивных и прочих), неформально-логических и просто эвристических процедур.

Аргументацию можно рассматривать как социальную знаковую подсистему (если принять, что системой является язык – логики или естественный, в зависимости от того, какой вариант аргументации мы берем). Как и всякое человеческое знание, аргументация как знаковая подсистема создана, если применять подход Канта, силой человеческого разума [14]. Для Канта, человеческое знание основано на производимых человеческим мышлением операциях структурирования, которые трансформируют ощущения (sensations) в чувственные образы

(perceptions). Знание представляет собою конструкт человеческого мышления и возникает в результате взаимодействия «познаваемого» (“knowable”) с мыслительными возможностями познающего субъекта. Конструктивные знакообразующие потенции познающих субъектов считаются общими (unitary) для всех людей. Это не означает, что все познающие субъекты создают идентичные познавательные конструкты; но разнообразие конструктов на некотором абстрактном уровне является отражением категорий, управляющих этим процессом – например, логических (см.: [16: 184–186]).

Всякая социальная реальность становится межсубъектной посредством коммуникации. Важным фактором в становлении или изменении знаковых подсистем является, соответственно, принятие или отвержение структуры знания. Если старая структура знания отвергается или оказывается непригодной для описания или объяснения некоторого объекта, ее место заполняется новой или модифицированной. Поэтому можно говорить о со-существовании конкурирующих структур знания, каждая из которых, являясь продуктом человеческого разума и человеческого взаимодействия, не может претендовать на абсолютную истину. Следовательно, можно говорить о том, что и аргументативные теории могут быть по-разному пригодны для разных целей. Однако такие структуры знания являются межличностными и поэтому пригодными для описания и объяснения явлений. Так и законы некоторой логической системы являются общими для всех, кто осознанно (или даже неосознанно) ими пользуется.

Аргументация может быть представлена разнообразными подходами. Тем не менее, любой подход, если он претендует хоть на какую-то объяснительную силу, должен учитывать общие законы, по которым строится и анализируется рассуждение. В ряду многообразия логических систем, прошедших проверку в теоретических изысканиях и на практике, можно выбрать в качестве основной некоторую, в наибольшей степени отвечающую цели и объекту исследования.

Применительно к анализу научного текста, который предположительно должен отвечать законам строгости рассуждения, целесообразно использовать некоторую дедуктивную систему.

Принимая во внимание знаковую природу текста, следует ориентироваться при выборе логической системы на семиозис: логическая система должна быть применима для объяснения хотя бы части семиотических процессов; в случае научного текста такая система должна быть сигнификативно-ориентированной, т. е. интенциональной; если же пригодная в иных отношениях логическая система в традиционном варианте является экстенциональной, ее следует расширить, придав ей возможность описания содержания, а не только формы.

Учитывая естественно-языковую природу текста, необходимо обращать внимание на собственно языковые категории в реализации

текста-знака – категорию значения, план выражения и план содержания знака, либо, в трактовке значения как субстанционально-реляционной сущности [4], план выражения и план содержания значения (которое тем самым считается двусторонним субстанционально-реляционным феноменом). Для реализации всех этих внутренних моментов представляется пригодной лингвистическая субъектно-предикатная система, например, силлогистика, взятая изначально в ее традиционном перипатетическом, в расширенном далее схоластическом варианте и модифицированная по отношению к названным особенностям объекта исследования (см.: [3]).

Имея в виду то, что превалирующий тип рассуждения, встречающийся в интеракционном обиходе, является бытовым или гуманитарным, т. е., в любом случае, не жестким, от него нельзя требовать формально-логической организации. По этой причине необходимо применить к его анализу некоторую систему, которая позволяла бы продемонстрировать, что такой не-алгоритмичный текст все же организован в соответствии с некоторой схемой рассуждения, которая составляет во многом внешний, тактико-стратегический аспект аргументации. Для этой цели пригодной представляется пропозициональная логика в ее смягченном (неформальном) варианте – например, модели аргументативных функций.

Эта модель создана как разновидность практического руководства к анализу и составлению аргумента, который понимается как совокупность компонентов (слов, словосочетаний или предложений: синтаксические ограничения отдельно в модели не оговариваются), совместно обеспечивающих обоснование доказываемого положения-Тезиса (Claim). Эти компоненты выполняют разные функции в пределах аргументного комплекса. Данные (Data) – это наиболее близкие к Тезису в когерентном отношении элементы, от которых легко сделать к нему вывод. Основание (Warrant) – это тип связи Данных и Тезиса, напоминающий демонстрацию в логике и показывающий (чаще имплицитно), почему именно они находятся в отношениях выводного единства. Квалификатор (Qualifier) – это вербализованные маркеры степени вероятности вывода, сирконстантно указывающие на справедливость Тезиса. Свидетельство (Backing) – это подкрепляющие сведения для Основания. Оговорка – вербализованные условия, при которых Тезис не может быть доказан всеми иными посылками. Ср.:

Лена – одна из сестер Николая (Данные); следовательно, она, скорее всего сейчас (Квалификатор) – брюнетка (Тезис), поскольку остальные сестры Николая черноволосые (Основание): иных мы не встречали (Свидетельство); если, конечно, она не выкрасила волосы в другой цвет (Оговорка).

Названная модель была создана американским философом С. Тулмином [18], но, несмотря на ее многочисленные расширяющие

интерпретации и популярность в вузовский курс по аргументации в американских университетах (автору настоящей статьи удалось в этом убедиться воочию в 1994 г. в период стажировки в Калифорнии, в частности, у ученика С. Тулмина Р. Крейбла [9]), не расценивалась философом как нечто выдающееся. В самом деле, модель, предложенная им, составляла лишь одну из возможных техник употребления составляющих аргумента для получения целостного рационального обоснования (подробнее см. ниже). Её существо не является пионерским в науке о рассуждении – мы можем здесь вспомнить модели древней (римской) эпихейремы.

Осмысление аргументно-функциональной модели говорит о том, что ее особенности заключаются: (а) в трактовке базисного (типичного, стандартного) аргумента как речевого (дискурсивного) комплекса, не предусматривающего наложения строгих количественных ограничений в отношении числа компонентов – за исключением содержательной двучастности; (б) в разбиении названного комплекса на противопоставленные микрокомплексы – доказываемый и доказывающий; (в) в стабильности сингулярной идентичности доказываемой части, но варьировании количества и качества компонентов в доказывающей; (г) в возможности и желательности функциональной интерпретации компонентов обеих названных частей аргумента.

Параметр (а) подразумевает доказывание трех разновидностей: одного Тезиса одним Доводом (что сродни принципу непосредственного умозаключения); одного Тезиса более чем одним Доводом (что параллельно принципу силлогизма); нескольких Тезисов одним Доводом. Из этого видно, что определяющим простоту аргумента является принцип количественной одинарности хотя бы одной из двух частей аргумента.

Параметр (б) задает невозможность доказываемого микрокомплекса принимать на себя дополнительную доказывающую функцию в пределах одного и того же аргумента; доказывающая часть также не должна носить характер доказываемой в пределах одного уровня аргумента; аргументы могут выстраиваться в своеобразную древовидную структуру, в которой, однако, несложно распознать базовые (элементарно-когерентные) аргумента.

Параметр (в) говорит о том, что Тезис/Тезисы в пределах одного базового аргумента не могут менять свою семантику, иначе произойдет содержательный распад («шизофрения») аргумента; то же касается компонентов доказывающей части: она сохраняет внутриуровневую самоидентичность на протяжении всего внутриуровневого развертывания, а переосмысления возможны только при переходе на иной уровень – так происходит с восхождением аргументации от подножия к вершине древа, когда функционально Тезис некоторого

рассматриваемого уровня сохраняет внутри него функциональную самоидентичность, но вовне обретает функцию Довода.

Параметр (г) задает возможности функционального рассмотрения следующих компонентов аргумента: (1) Тезисов (например, декларативный, модальный, оценочный и т. п.); (2) Данных (например, факта, мнения и т. п.); (3) Оснований (например, аналогии, группировки, авторитета и т. п.).

Три названных компонента представляют номинальный (необходимый) аспект аргумента; при этом любой из них может быть представлен как эксплицитно, так и имплицитно; характеризуемый параметр не развивался собственно С. Тулмином, а был представлен в работах его многочисленных последователей (см.: [3: Гл.1]); любопытно при этом, что три остальных компонента, факультативных и составляющих совместно с номинальным комплексом полную тулминову модель, в работах по аргументологии с функциональных позиций практически не разбирались. На наш взгляд, это говорит об их адгерентности, выходе за пределы интрауровневого когерентного рассмотрения аргумента. В самом деле: Квалификатор эксплицирует процедурный аспект Основания – правдоподобность (plausibility) демонстрации; Свидетельство является эмпирическим Доводом, фактуальной конкретизацией для статического аспекта Основания; Оговорка же задает сирконстантные условия идентичности Тезиса и вообще может представлять собою отдельный аргумент.

Принимая это во внимание, можно говорить по меньшей мере о двух типах максим применительно к действиям анализатора текста. Оба этих типа аргументативно-ориентированы, но общеаргументативные максимы не специфицированы относительно конкретного исследовательского метода, а специфические применимы к поли-локальному и интра-локальному аспектам анализа аргумента. По соображениям места мы рассмотрим здесь лишь общеаргументативные максимы. Они специфицируются в трех основных принципах.

1. Принцип Аргументативности. Он предполагает, что при анализе аргумента последний должен восприниматься как построенный таким образом, что доводы в нем действуют ‘в одном направлении’, так что их совокупность должна обеспечивать большую силу вывода, и уж, во всяком случае, не ослаблять его. Эта максима не относится к интра-локальному (микроструктурному) уровню организации аргумента, потому что на этом внутреннем уровне аргумент выстраивается по законам построения суждения и, в соответствии с этим, по правилам когезии – грамматики языка.

Так, например, обстоит дело со стандартной формой суждения (субъектно-предикатным образованием) в традиционном (схоластическом) силлогизме – к тому же, для силлогистики как дедуктивной системы понятие увеличения силы аргумента нерелевантно, ибо она по природе

номотетична и не зависит от субъективных / личностных факторов. При этом отметим, что сама силлогистика не используется как метод аргументирования в современном анализе языкового общения практически нигде. Этот метод оказался забыт, вероятно, в силу весьма поверхностного взгляда на силлогистику вообще и ее обыденного представления в науке в логико-символьной, т. е. иной знаковой – неязыковой – системе. Это тем более удивительно, что разработка теоретико-методического аппарата естественно-языкового осмысления силлогистики с явной ориентацией на дидактический аспект была успешно проведена задолго до наших дней – еще в Логике Пор-Рояля [1].

2. Принцип Рациональности понимается здесь как совокупность двух параметров. Во-первых, это обращение к ненасильственным способам доказывания и опровержения некоторой точки зрения – с помощью разума (*ratio*) и неприменение эристических (не-честных) форм доказывания, направленных не на поиск согласия, а на победу над соперником. Во-вторых, это пригодный для конкретных целей подход, предполагающий максимум локализации (в ее современном понимании как дискурсивную специфичность), и несколько иных максим, так же связанных с оптимизацией общения. Обратимся к ним, ориентируясь на две стороны коммуникации – диалог и монолог.

Одной из специфических лингвистических черт как диалога, так и полилога заключается в явлении репликовой попеременности. Если собеседники имеют намерение рассуждать и приходить к взаимоприемлемым решениям (т. е. намерение придерживаться принципа рациональности, под которым мы – в дополнение к уже сказанному – пониманием следование предсказуемым, разумным и легко распознаваемым в конкретном типе ситуации стратегиям и тактикам для достижения осознаваемых целей), то общение происходит в режиме ‘говoreние в каждый конкретный промежуток времени лишь одним субъектом’.

При этом монологический аспект интеракции не следует считать исключительно семантическим (текстоцентрическим) только на том основании, что он не описывает аргументирующее взаимодействие в собственном смысле этого слова, т. е. как бы не отвечает принципам прагматики (субъектоцентрическим). Дело в том, что прагматика может описывать не только языковое общение, но и сообщение. Этот подход учитывает особенности невидимого партнера по коммуникации, но такой учет специфичен по сравнению с диалогическим общением.

Так, при понимании текста реципиент пользуется текстом-артефактом, имеющим знаковую природу, и через план выражения знака получает выход в сигнификат сообщения и, соответственно, доступ к конвенциональному полю и прогноз индивидуального поля

знакового сигнификата автора. Иными словами, субъект-субъектные отношения оказываются опосредованными субъект-объектными.

Рассматриваемый принцип предусматривает, что если аргументация в повседневном рассуждении (в интерактивном подходе) считается таковой лишь в том случае, когда Тезис подвергается сомнению со стороны реципиента, то при создании монологического текста-рассуждения в условиях отсутствия реального реципиента понятие сомнения подчинено понятию возможного непонимания. Тем самым в случае монологического аргументирования при помощи теоретического текста определяющим для аргументации является не сомнение / контр-мнение, а проблемная ситуация.

Определяющим в плане убедительности тогда становится не риторическое наполнение аргумента, а рациональность, а в теории, принимающей идею об относительной истинности – логичность. Автор монологического текста не обязан заранее соглашаться с кем бы то ни было относительно области своих допущений (ср. иной взгляд у представителей голландской школы). Он осуществляет свое исследование до возникновения возможного возражения, которое определяется рефлексией. Рефлексия обеспечивает акцентирование внимания на доказывании конкретных доводов и в конечном счете ответственна за построение аргумента.

3. Принцип Симбиоза Систем Рассуждения ориентирован на существование в рациональном понимании двух стратумов аргументирования. Стратегический стратум описывает общую организацию текста, понимаемого как аргумент с выделением в нем аргументативных единиц разных уровней, которые составляют некоторую структуру по типу кондукции, подчиненную некоторому глобальному Тезису. Такая структура сопоставима с фреймом текста-рассуждения, в котором на каждом более высоком уровне Тезисы Аргументативных Шагов становятся Доводами для Тезисов этих уровней, создавая древовидную структуру с разными реализациями ветвей. Такая суперструктура (в терминах Т.А. ван Дейка [6]) является когнитивным образованием, отражающим реальные процедуры мышления-рассуждения, и этим отличается, например, от денотатной карты (см. подробнее о таких структурах: [2]). Рассмотрение стратегической организации текста-рассуждения осуществимо путем аргументно-функциональной модели как неформального варианта сентенциональной логики. Тактический стратум в нашем представлении есть внутриаргументный уровень, который используется для анализа элементов аргументации с целью установления логичности аргумента-Шага (см. о единицах аргументации ниже).

Предполагается, что поскольку у реципиента, понимающего текст аналитически, в качестве объективных исходных данных имеется только текст, определение логичности аргументов зависит от того, как

этот текст закодирован, т. е. от его плана выражения, а не только от плана содержания. Это находится в соответствии с семиотическим принципом понимания сообщения, по которому движение к сигнификату осуществляется от восприятия материальной манифестации плана выражения (образа тела знака) через значение как бивекториальную сущность-отношение. Анализ логичности аргументов должен производиться при помощи специально разработанной системы (например, семантико-грамматической силлогистики – [3; 4]); она позволяет учитывать и план содержания, и план выражения аргумента.

В рамках структурного представления аргументации аргументы описываются обычно в виде кружков, изображающих суждения, и стрелок, острие которых обращено к выводу. В такой репрезентации элементарным аргументом должна быть, очевидно, признана двусоставная структура 'посылка – вывод'. В случае, когда аргумент не-элементарен, выделяют четыре основных типа схем – дивергентную, конвергентную, цепочечную и составную.

В аргументе с дивергентной структурой одна посылка применяется для двух или более выводов. Дивергентный аргумент отличается от других типов тем, что для обоснования этой структуры нужен лишь один фундаментальный вопрос: *Почему?* Например: (а) *Поскольку экономическое положение страны в плачевном состоянии,* (б) *вероятны волнения среди населения* и (в) *возможны попытки государственного переворота*, где общей посылкой является (а).

Конвергентная структура предполагает наличие второй, дополнительной посылки, не зависящей от посылки элементарного (как он определен выше) аргумента; при этом не встает вопрос о релевантности дополнительной посылки для заключения. Например: (а) *Президент будет избран на новый срок (потому что);* (б) *Он популярен среди населения;* (в) *Ситуация в экономике страны стабильна.* Предложения (а) и (б) составляют здесь элементарный аргумент, а (в) является дополнительной посылкой. Появление конвергентной структуры (соподчинения) – это как бы ответ на вопрос: «Есть ли у вас иные доводы?»

В основе вопроса для конвергентной структуры лежит вопрос: «Достаточно ли сильны доводы для получения вывода?». Если ответ на этот вопрос отрицательный, то в аргументе с такой структурой будет ошибка поспешного вывода.

Для цепочечной структуры необходимо ответить на вопрос: «Обоснованны/истинны ли посылки?», т. е. «Почему основная посылка верна?». В случае отрицательного ответа в аргументе появляется логическая ошибка сомнительного/ложного основания. В составной структуре необходимо ответить на вопрос: «Релевантен ли довод?» Если ответ отрицательный, то в аргументе содержится ошибка нерелевантного основания [12: 151–153].

Оценивая концепцию аргументативных схем, заметим, что термин дополнительная посылка является чисто структурным, ибо по содержанию он в разных случаях разный. Рассматривая значимость суждений для минимального состава аргумента, следует отметить следующее.

Дивергентная структура вообще не имеет дополнительных посылок и этим значительно отличается от иных трех типов. Единственная посылка в ней задает структурно необходимое обоснование вывода (хотя выводов и, соответственно, элементарных аргументов в такой структуре всегда больше одного).

Конвергентная структура создает аргумент индуктивного типа, потому что наличие дополнительных доводов увеличивает силу индуктивного вывода (в дедукции для установления логичности аргумента достаточно одного довода (для так называемого ‘непосредственного умозаключения’) или двух (для силлогистики и пропозициональной логики) – поэтому предлагаемая ниже трактовка единиц аргументации ориентирована на дедукцию).

Цепочечная структура содержит фактически два Тезиса разных уровней: основной Тезис и основной Довод; следовательно, функция дополнительной посылки – аргументо-образующая.

Составная структура содержит посылку, которую можно считать обязательной, если она составляет одну из посылок дедуктивного аргумента (и тогда двусоставную структуру следует признать энтимематичной для аргументов, не являющихся непосредственными умозаключениями) или представляет собой Основание в модели С. Тулмина, которая тем самым обладает признаками и индуктивности, и дедуктивности (ибо может давать как вероятностный, так, в принципе, и истинностный вывод).

Дедуктивность модели аргументативных функций может устанавливаться только в смысле валидности принципиальных моделей пропозициональной логики (структура *modus ponens*), которая, если к ней не добавить, например, логику релевантности (см.: [20; 21]), является чисто формальной системой.

В этой связи представляется, что конвергентная и цепочечная структуры дают комплексные дедуктивные аргументы, составленные из энтимем. Заметим, что поскольку в текстах непосредственные умозаключения встречаются намного реже, чем силлогистические и особенно пропозициональные, так как обладают весьма специфической семантикой – ср. умозаключения по логическому квадрату, устанавливающие истинность/ложность противоположных и подчиненных суждений, то энтимемный характер двухкомпонентных структур можно считать справедливым – разумеется, с упомянутой оговоркой.

Дивергентная структура также является поли-аргументной, только это свойство задается уже не Доводом, а Тезисами. Составная

же структура является моно-аргументной. Тем самым, с точки зрения компонентов аргумента лишь составная структура является совпадающей с минимальным составом аргументативной единицы. Поэтому понятие 'структурный тип' не является релевантным для определения аргумента. Но это понятие вполне можно применять для описания стратегической организации аргументации в тексте.

Обратимся теперь к понятию единиц и элементов аргументации. При монологическом рассмотрении аргумента определяющей его чертой можно считать целостность. Целостность аргумента задается двумя свойствами – реализационной и идентификационной самостоятельности – и является признаком единицы аргументации. Признак функциональности является свойством элемента аргументации. Элемент есть составная часть единицы.

Минимальным элементом аргументации условимся считать высказывание с определенной аргументной функцией. Функции разделяются на ингерентные и адгерентные по отношению к единице аргументации. К ингерентным аргументативным функциям условимся относить Тезис, Данные и Основание, к адгерентным – Свидетельство, Ограничитель и Оговорку.

Минимальной единицей аргументации является аргументативный Шаг. Аргументативный Шаг – это комплекс аргументативных функций, обладающий аргументационной реализационной и идентификационной самостоятельностью, т. е. способностью функционировать в качестве аргумента и возможностью быть распознаваемым как аргумент. В отличие от единицы, элемент не обладает идентификационной самостоятельностью: вне Аргументативного Шага невозможно сказать, какую аргументативную функцию выполняет то или иное высказывание – оно может быть и Тезисом, и Доводом. Иными словами, элементы аргументации лишены возможности экстрауровневого самостоятельного функционирования именно в качестве компонента аргументации (хотя, видимо, могут самостоятельно функционировать в качестве высказываний).

Анализ концепции аргументативных схем дает основание считать структуру [Данные + Тезис] относительно минимальным (энтимемным) составом Шага, а номинальным его составом – структуру [Данные + Тезис + Основание]. В случае же наличия одного лишь высказывания – при условии, что есть основания считать его утверждением, требующим обоснования (т. е. если его приемлемость не была доказана ранее) – такое высказывание следует считать Тезисом. Функционирование высказывания как Тезиса является предельным случаем абсолютного реализационного минимума Шага.

Двусоставная (относительно минимальная) структура аргументативного Шага предполагает, что опущенной посылкой является Основание. Таким образом, определение Основания в такой структуре

проводится не по линии Общее vs. Частное суждение, а по признаку, связанному с Принципом Великодушия / Благотворительности ('The Principle of Charity' – [13]) и предусматривающему, что в рациональном (в частности, научном) тексте будет эксплицироваться менее очевидная посылка.

Второстепенные (адгерентные) функции играют разную роль в аргументации. Свидетельство является просто Доводом иного аргумента, в котором Тезисом является Довод внутри Аргументативного Шага. Ограничитель задает степень вероятности Тезиса или Доводов и является скорее, прагма-логической, чем чисто аргументативной функцией. Оговорка – это Довод к Контр-Тезису для аргументативного Шага. Корреляция между Ограничителем и Оговоркой проявляется, например, в следующем аспекте. Пусть вероятность (на которую «работают» обе названные функции) Тезиса определяется как $A+B=100\%$. Если Ограничитель выражает $A\%$ вероятности, то остальные $B\%$ являются условиями, в которых этот Тезис недействителен. Тогда B – это Оговорка, и она должна быть выражена эксплицитно.

Само выделение второстепенных функций связано, как уже говорилось, с уровневой трактовкой аргумента: Свидетельство и Оговорка принадлежат к экстра-Шаговому уровню. Ограничитель в этом отношении весьма специфичен. Задавая степень категоричности вывода, он является модальным оператором и в этом смысле может считаться принадлежащим к Аргументативному Шагу. Однако он относится не к пропозициональному содержанию, а к модальности суждения, ср.: *вероятно; скорее всего* и т.п. С другой стороны, Ограничитель может быть связан с иными параметрами суждения, ср.: *в некотором смысле; с определенной точки зрения; в некоторых случаях*. Здесь Ограничитель приобретает свойства не квалификатора, а квантификатора, задающего количественную характеристику суждения. В этом случае Ограничитель принадлежит пропозициональному содержанию высказывания. Поэтому целесообразно различать, соответственно, Ограничитель-М (модальный) и Ограничитель-Кв (кванторный). Ограничитель-Кв можно трактовать как свернутое экзистенциальное суждение *Существуют случаи (когда...)*. Впрочем, даже это не избавляет Ограничитель-Кв от отличий от основных аргументных функций, которые представлены полными суждениями по типу сентенциональной логики и семантика которых может варьироваться практически бесконечно, чего не наблюдается в случае с Ограничителем-Кв. Ограничитель-Кв, в отличие от элементов, не имеет собственной аргументативно-синтаксической позиции, потому что может присоединяться к любой из функций. Наконец, Ограничитель-Кв – это предикат второго порядка, не имеющий непосредственной референтной отнесенности, что не характерно для аргументативных элементов.

При рассмотрении единиц аргументации разных уровней необходимо ответить на вопрос: «Чем определяется аргументативная единица?» Этот вопрос касается содержания, структуры и формальных границ единицы. Содержание ее обеспечивается реализационной и идентификационной самостоятельностью аргументного комплекса как совокупности аргументативных функций. Содержание тесно связано со структурой и требует ответа на вопрос: чем определяется состав Шага – совокупностью [Данные+Основание+Тезис] или общностью Довода (при нескольких Тезисах) или образованием [Данные+Тезис] или структурой [Данные+Основание]? В предлагаемой здесь трактовке ответ ясен: первым из перечисленных комплексов. Это означает, что применительно к конвергентным и дивергентным структурам аргумента можно говорить о Комплексном Шаге, состоящем из двух простых Шагов с общим Тезисом или общим Доводом, соответственно. Формальная граница Аргументативного Шага – сложное предложение или совокупность предложений.

Совокупность Аргументативных Шагов (как Простых, так и Комплексных), объединенных некоторым глобальным Тезисом (который может быть как эксплицитным, так и имплицитным) есть Аргументативный Ход. Формальной границей Хода является абзац. В пределах Хода можно обнаружить свои дивергентные и конвергентные структуры, но уже иного вида, чем в пределах Шага, поскольку они функционируют на уровне Хода уже будучи единицами, а не элементами аргументации на предшествующем уровне. Другое дело, что при образовании Хода происходит подавление их внутри-аргументного статуса единицы и преобразование Тезисов Шагов в Доводы Хода. Совокупность Ходов может быть названа Аргументативным Макроходом, который строится по тому же принципу, что и Ход; относительно формальной границы Макрохода сказать что-либо определенное трудно: это может быть параграф или его часть.

Итак, в данной статье изложены основные принципы авторской концепции рационального понимания текста. Предлагаемый подход разработан с учетом жанровой специфики текста, которой рассматривается как продукт семиозиса и имеет естественно-языковую реализацию. Анализ-понимание текста реципиентом реализуется с учетом как плана содержания, так и плана выражения текста. Подход реципиента-анализатора к тексту предусматривает соблюдение им принципиальных максим аргументации.

При разделении элементов и единиц аргументации применяется уровневый подход. При этом отличительным признаком единицы признается совокупность свойств реализационной и идентификационной аргументативной самостоятельности, тогда как элемент, если его рассматривать вне единицы, последним качеством не обладает.

Элементами аргументации считаются Тезис, Данные, Основания (основные), а также Свидетельство, Оговорка и Ограничитель (второстепенные). Совокупность основных элементов образует основную единицу аргументации – Аргументативный Шаг. Выделены также более крупные текстовые единицы аргументации.

Приведенные соображения позволяют наметить определенные итоги методологического порядка. Прежде всего, аргументация обладает спецификой по сравнению со смежными понятиями типа ‘рассуждение’, ‘доказательство’, ‘обоснование’ и т. п. Ее важнейший признак заключается в ингерентно диалогической (но не обязательно эксплицируемой), принципиально не-формальной, т. е. естественно-языковой манифестации названных процедур – хотя бы потому, что она может представлять собой как защиту мнения, так и атаку его самого и его поддержки, коррекцию, выдвижение контр-мнения и т. п. Это все можно осмыслить в рамках (суб)жанрового представления с приданием аргументации статуса речевого жанра. Из этого следует, что анализ аргументации должен проводиться непременно с лингвистических позиций, предусматривающих структурно-семантическое осмысление аргументов, их функционального состава на микроуровне, их разноуровневой организации и возможностей глубины гнездования. Рассмотрение дискурса аргументации также предусматривает взвешенное отношение к со-существованию в ней эвристичности и алгоритмичности, что требует неодинаковых методик анализа – что отвечает общенаучным аналитическим принципам вообще (см.: [5]).

Список литературы

1. Арно А., Николь П. Логика, или искусство мыслить. М.: Наука, 1991. 413 с.
2. Богданов В.В. Текст и текстовое общение. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1993. 68 с.
3. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. М., Калуга: Ин-т психологии РАН, 1994. 220 с.
4. Васильев Л.Г. Аргументация и ее понимание: логико-лингвистический подход. Калуга: Калужский гос. ун-т, 2014. 220 с.
5. Васильева М.Л. Публичное извинение в американском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2021. 18 с.
6. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
7. Beardsley M. Practical logic. New York: Prentice-Hall, 1952. 580 p.
8. Brockriede W. Characteristics of arguments and arguing // Journal of the American Forensic Association. 1977. Vol.18. No.3. P.129–132.
9. Crable R. Argumentation as communication: reasoning with receivers. Columbus: Merrill, 1976. 272 p.
10. Eemeren F.H.van, Grootendorst R. Speech acts in argumentative discussions: a theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflicts of opinion. Dordrecht: Foris, 1983. 215 p.
11. Ehninger D., Brockriede W. Decision by debate. 2nd ed. N.Y. etc.: Harper & Row, 1978. XIII, 238 p.

12. Freeman J. Dialectical situations and argument analysis // Informal Logic. 1985. Vol. 7. Nos.2–3. P.151–162.
13. Govier T. On Adler On Charity // Informal Logic Newsletter.1983. Vol.5. No.3. P.10–11.
14. Kant I. Critique of pure reason. London: McMillan, 1929. 681 p.
15. Kasachkoff T. Explaining and justifying // Informal Logic. 1988. Vol.10. No.1. P.21–30.
16. Kneupper Ch.W. Argument: a social construtivist perspective // Journal of American Forensic Association, 1981. Vol.17. No.4. P.183–189.
17. Thomas S. Practical reasoning in natural language. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1976. 484 p.
18. Toulmin S. The uses of argument. Cambridge: Cambridge University Press, 1958. 276 p.
19. Trent J. Toulmin's model of an argument: an examination and extension // Quarterly Journal of Speech. 1968. Vol.54. No. 3. P.252–259.
20. Walton D. Informal fallacies: towards a theory of argument criticisms. Amsterdam: Benjamins, 1987. X, 336 p.
21. Walton D. Topical relevance in argumentation. Amsterdam: Benjamins, 1982. 83 p.

Об авторе:

ВАСИЛЬЕВ Лев Геннадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского (248023 Калуга, ул. С. Разина, 26) ; e-mail: vasilevlg@tksu.ru

ON METHODOLOGY OF THE DESCRIPTION OF ARGUMENTATIVE DISCOURSE

L.G. Vasilev

K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga

The article considers the specifics of argumentation and its relation to the concepts of 'reasoning', 'explanation', 'justification'. Natural language (textual) and intersubjective modes of argumentation are explicated. Sestemic issues of argumentology are formulated. The specificity of the functional representation of the argument is analyzed.

Keywords: argumentation, reasoning, structure, argument levels, functional model.

About the author:

VASILEV Lev G. – D.Sc. (Philology), Professor and Chairman of Linguistics and Foreign Language Department, K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University (248023 Kaluga, S. Razin str., 26); e-mail: vasilevlg@tksu.ru

Статья поступила в редакцию 15.09.25
Подписана в печать 30.09.25

© Васильев Л.Г., 2025